

ЛИЧНОСТЬ ПОЭТА

В фильме об
Александре Твардовском —
Константин Симонов
и Михаил Ульянов

Может быть, память — прежде всего в том, чтобы и после смерти чтимого человека сохранить на себе его взгляд, проецировать на себя его отношение к жизни и людям.

Константин Симонов, автор и ведущий фильма об Александре Твардовском (над которым в телевизионном объединении «Экран» работали режиссер Дмитрий Чуковский, оператор Марина Голдовская), знавший поэта в разные часы его жизни, тем не менее ограничил себя в разнообразии личных воспоминаний. Он искал Твардовского, необходимого фильму, в отражении, казалось бы, субъективном и вместе с тем настаивал на деталях и чертах, известных только ему.

«Масштабы им сделанного, — сказал Симонов, — уже сейчас позволяют нам назвать его великим поэтом...» И дальше заговорил о влиянии Твардовского на людей и события, на него, Симонова. Такую частность в подобном разговоре не все, разумеется, могут себе позволить. Однако в данном случае избранное построение фильма было не просто выходом в сюжет, но давало всему происходящему определенное эмоциональное напряжение. Ведущий брал на себя ответственность в проекции взгляда Твардовского рассматривать и свою биографию. И фильм оттого никак не сужался, не видоизменял адреса. А, напротив, при таком повороте приобретал особую интонацию. Потому что о столь своеобразном человеке, как Твардовский, можно, наверное, говорить лишь в полную меру искренности своего понимания поэта и человека.

Собеседником Симонова в разговоре о Твардовском был в фильме артист Михаил Ульянов. Он заметил вначале, что, к сожалению, лично почти не был знаком с Твардовским, встречал его в жизни всего несколько раз. И видит свою задачу лишь в том, чтобы помочь ведущему — «напомнить», как он выразился, «начитать» стихи, о которых упоминал Симонов. И, действительно, в манере чтения артистом различалась та же мера искренности понимания личности поэта. И когда на экране появлялся сам Твардовский, читающий на видеозаписи, датированной 1959 годом, главу из «За далью — даль», понятно стало, что талант рассказывать жизнь стихами из азартной непосредственности авторской скороговорки органично перешел в настойчивую неторопливость ульяновского чтения. И артисту не потребовалось дополнительных — вне стиха — слов, чтобы пересказать и свое ощущение влияния человека, которому посвящался фильм.

В картину «Александр Твардовский» вошли и выступление его на XXII съезде партии, сохраненное на документальной пленке, и ряд фотографий разных лет. Документальные кадры приобретают особое выражение в контексте разговора Симонова и Ульянова, при чтении стихов, вспоминаемых ими. Появление Твардовского каждый раз оказывалось подготовленным всем ходом беседы, всеми раздумьями, ею вызванными. Вот тогда и выявлялось, что за естественностью построения картины, кажущейся простотой и незатейливостью — большой смысл, труд и, главное, литературный вкус и такт ее организаторов и постановщиков. В картине, пожалуй, не произнесено ни одного слова, жеста, неуместного для строя речи и стиха Твардовского.

Авторы предполагали, очевидно, что показать всю сложность сопряжения сторон деятельности лирического поэта в одном — пусть и удавшемся, и счастливым по замыслу — фильме невозможно. И материал чисто пластический отбирали экономно, сосредоточившись на главных действующих лицах — на Симонове и Ульянове, призванных передать эффект живого общения с Твардовским и его поэзией. Чтобы тем самым ввести в фильм самого поэта в его творческой власти над людьми, сохранившими в себе его взгляд в те дали совершенства, которые он понимал как «слияние формы и содержания, поразительное в своей нормальности».

Александр НИЛИН.

"Неделя"

1976, 19 апр. №16